

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

Источники

Исследования

Историография

Библиография

СЕДЬМОЙ ВЫПУСК

Международный проект «Нестор»

Санкт-Петербург–Кишинев–Париж

Партнерство во имя истории

Учредители проекта:

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова
Российской академии наук

Высшая антропологическая школа
(Кишинев)

Центр русских, кавказских
и центральноевропейских исследований
Школы высших социальных исследований
(Париж)

Руководитель проекта

Сергей Эрлих

Издатель

Сергей Марар

**Библиотека журнала «Нестор»:
Источники и исследования истории и культуры
России и Восточной Европы
Том XII**

Редакция:

Р. Ш. Ганелин, П. В. Ильин, О. И. Киянская,
Э. И. Колчинский, И. В. Лукоянов (главный редактор),
В. И. Мусаев, С. В. Яров

Редакционный совет:

Е. В. Анисимов, Б. Ф. Егоров,
В. Н. Плешков, А. Н. Цамутали
(*Санкт-Петербургский институт истории РАН*)

Оу Бао
(*Университет Цинхуа, Пекин*)

В. Берелович
(*Школа высших социальных исследований, Париж*)

Ж. Нива
(*Женевский университет*)

У. Розенберг
(*Мичиганский университет*)

Д. М. Фельдман
(*Российский государственный гуманитарный университет*)

М. Хайнеманн
(*Ганноверский университет*)

Л. Хеймсон
(*Колумбийский университет*)

М. Хильдермайер
(*Геттингенский университет*)

А. М. Эткинд
(*Европейский университет в Санкт-Петербурге, Кембридж*)

Х. Ян
(*Кембридж*)

Российская академия наук
Санкт-Петербургский институт истории

---

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

---

*Источники
Исследования
Историография
Библиография*

ВЫПУСК

VII

1825 – 2005

Издательство
СПБНИИ РАН
«Нестор-История»

Санкт-Петербург
2005

УДК 947.073.1
ББК 63.3 (2) 47

*Утверждено к печати ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН*

14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VII. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. — 586 с.

Редакционная коллегия:

к. и. н. *Т. В. Андреева*, к. и. н. *П. В. Ильин* (ответственный редактор),
к. и. н. *А. А. Кононов*, д. и. н. *А. Н. Цамутали*, к. и. н. *С. Е. Эрлих*

Составитель
к. и. н. *П. В. Ильин*

Рецензенты:
д. и. н. *В. Г. Чернуха*, к. и. н. *А. Д. Марголис*

В оформлении обложки использован офорт художника
Н. Родионова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 04-01-16038д

ISBN 5-98187-109-1

© Издательство СПбИИ РАН
«Нестор-История», 2005
© П. В. Ильин, составление, 2005

Содержание

Источники.

Справочные материалы

Неизвестный эпизод из истории полицейского надзора над участниками тайных обществ: письмо полковника Добровольского П. Д. Киселеву (1822 г). Вступительная статья, публикация и комментарии <i>П. В. Ильина</i>	15
Из архивной записной книжки. Вступительные заметки, публикация и комментарии <i>А. А. Кононова</i>	49
Материалы о декабристах из фондов Государственного архива Саратовской области. Предисловие, публикация и комментарии <i>В. П. Тотфалушина</i>	66
<i>А. Б. Сиротин</i> . Памятные адреса декабристов в Санкт-Петербурге. Справочный указатель	73

Исследования

<i>Е. Н. Туманик</i> . <i>А. Н. Муравьев</i> в Союзе благоденствия	149
<i>А. Б. Шешин</i> . Общество Добра и Правды	191
<i>С. И. Афанасьев</i> . О времени образования декабристского общества в Гвардейском морском экипаже (уточнение датировки события)	211
<i>С. Н. Коржов</i> . К истории провокации <i>И. В. Шервуда</i> . (Критический анализ «Исповеди» Шервуда-Верного и реконструкция его агентурно-провокаторской деятельности)	215

<i>М. М. Сафонов.</i> Из истории междоусобия: критический анализ мемуарных свидетельств С. П. Трубецкого	296
<i>М. М. Сафонов.</i> К изучению событий 14 декабря 1825 года: критический анализ мемуарных свидетельств о М. А. Милорадовиче (А. П. Башуцкий и Р. М. Зотов)	332
<i>Н. В. Самовер.</i> Закат императрицы: из истории борьбы Николая I за укрепление своей власти в первые месяцы царствования	388
<i>А. Б. Шешин.</i> Д. И. Завалишин и Николай I	409
<i>О. И. Киянская.</i> С. Г. Волконский и А. Х. Бенкендорф (Из комментариев к «Запискам» С. Г. Волконского)	467
<i>С. В. Березкина.</i> Встреча с И. И. Пуциным 11 января 1825 г. в творческих откликах А. С. Пушкина. К анализу взаимоотношений поэта и участников тайных обществ	475
<i>С. И. Афанасьев.</i> Из истории семьи декабристов Бестужевых. (По архивным материалам)	503
Мнение	
<i>Т. В. Орлова.</i> Особенности исторического пути России в зеркале декабристского движения	510

Историография. Обзоры. Рецензии

<i>Е. Н. Туманик.</i> Сибирь и декабристы: обзор современной исследовательской литературы (2000–2003 гг.)	525
Украинское декабристоведение вчера и сегодня. Рец.: <i>Казьмирчук Г., Латини Ю.</i> Українське декабристознавство. Киев; Черкаси, 2002. 282 с. (<i>О. И. Киянская</i>)	531

Рец.: *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ.
Русские общественные объединения первой трети XIX в.
М., 2003 (*Т. Н. Жуковская*) 537

Дебют

А. П. Ковалева. Сослагательное наклонение в «деле декабристов».
Обзор современных публикаций по альтернативной истории
событий 1825–1826 гг. 553

Библиография

Публикации авторов сборника по декабристской тематике 575

The contents

Sources. Information materials

An unknown episode from the history of police surveillance over the members of the secret societies: a letter by colonel Dobrovol'skiy to P. D. Kiselyov (1822). Introduction, publication and comments by <i>P. V. Ilyin</i>	13
Fragments of an archival notebook. Introduction, publication and comments by <i>A. A. Kononov</i>	49
Information on the Decembrists in the depositories of the State Archive of Saratov region. Introduction, publication and comments by <i>V. P. Totfalushin</i>	66
<i>A. B. Sirotin</i> . Memorial sites of the Decembrists in St. Petersburg. A reference book	73

Researches

<i>E. N. Tumanik</i> . <i>A. N. Muravyov</i> in the Union of Welfare	149
<i>A. B. Sheshin</i> . The Society of Good and Truth	191
<i>S. I. Afanasyev</i> . About the time of formation of a Decembrist society in the Guard naval crew (verification of dating the event)	211
<i>S. N. Korzhov</i> . On the history of Sherwood's provocation (A critical analysis of Sherwood-Verny's «Confession» and reconstruction of his agent-provocative activities)	215

<i>M. M. Safonov</i> . On the history of the interregnum: a critical analysis of memoir testimonies S. P. Trubetskoy	296
<i>M. M. Safonov</i> . A contribution to the study of the events of December 14, 1825. A critical analysis of memoir testimonies to M. A. Miloradovich (A. P. Bashutskiy and R. M. Zotov)	332
<i>N. V. Samover</i> . Decline of the empress. A fragment of history of Nicholas' the 1 st struggle for consolidation of his power in the first months of his reign	388
<i>A. B. Sheshin</i> . D. I. Zavalishin and Nicholas the 1 st	409
<i>O. I. Kiyanskaya</i> . S. G. Volkonskiy and A. Ch. Benkendorf (On the comments to the «Notes» by S. G. Volkonskiy)	467
<i>S. V. Beryozkina</i> . Reflections of the meeting with I. I. Pushchin on January 11, 1825 in A. S. Pushkin's works. A contribution to analysis of relations between the poet and the members of the secret societies	475
<i>S. I. Afanasyev</i> . On the history of Bestuzhev's Decembrist family (according to archival materials)	503
Opinion	
<i>T. V. Orlova</i> . The Peculiarities of Russia's Historical Way in the Mirror of the Decembrists Movement	510

Historiography. Reviews

<i>E. N. Tumanik</i> . Siberia and the Decembrists: a review of contemporary research literature (2000–2003)	525
---	-----

Ukrainian Decembrist studies: Yesterday and Today.
Review: *G. Kaz'mirchuk, Yu. Latisch*. Ukrainian Decembrist studies.
Kiev; Cherkasy, 2002. 282 p. (by *O. I. Kiyanskaya*) 531

Review: *V. M. Bokova*. The Epoch of secret societies.
Russian public associations of First Third of 19 century.
M., 2003 (by *T. N. Zhukovskaya*) 537

Debut

A. P. Kovalyova. Subjunctive mood in the case of Decembrists.
Review of contemporary publications on an alternative history
of the events of 1825 and 1826 553

Bibliography

Publication decided to Decembrist issue by contributors
to this volume 575

Источники.
Справочные материалы

**Неизвестный эпизод из истории полицейского надзора
над участниками тайных обществ:
письмо полковника Добровольского П. Д. Киселеву
(1822 г.)**

Вступительная статья, публикация и комментарии

П. В. Ильина

An unknown episode from the history of police surveillance over the members of the secret societies: a letter by colonel Dobrovol'skiy to P. D. Kiselyov (1822). Introduction, publication and comments by *P. V. Ilyin*. This is the first publication of an extremely interesting document — a letter by colonel M. Dobrovol'skiy, commander of the Ufa infantry regiment, to the chief of the Headquarters of the Second Army P. D. Kiselyov, dated by February of 1822, which has previously been only mentioned in scientific literature. This document is a unique testimony to activities of the secret police service among the officers of the Russian army. The letter contains information on participation of P. I. Pestel and other officers in an unidentified secret society. Here one can also see information on activities of a Polish patriotic society and its contacts with Russian officers. This document published makes it possible to see that the authorities were informed of existence of a secret society in the Southern Army already in 1822, it illustrates the methods of activities of the secret police in the Russian army in that period.

I

Внимание читателя предлагается любопытный документ, сохранившийся в архиве П. Д. Киселева, занимавшего в 1810–1820-е гг. должность начальника Главного штаба 2-й армии. Этот документ является

редким свидетельством оставшейся в тени и почти не известной историкам тайной полицейской деятельности, основной задачей которой был надзор над «вольнодумцами» в полках 2-й армии.

Публикуемый источник не раз упоминался в научной традиции. Он известен как «донос полковника Добровольского», в котором фигурирует фамилия главы Южного общества П. И. Пестеля. Первое упоминание документа в обзоре декабристских материалов из фондов Академии наук демонстрировало его большое значение для истории декабризма: «письмо Добровольского к Киселеву от 1822 года с указанием на принадлежность некоторых лиц, в том числе Пестеля и Трубецкого, к тайным обществам» (Васенко, Измайлов 1926: 231). Отсюда следовало, что Киселев был извещен об участии Пестеля в тайном обществе еще в 1822 г. Эти данные стали основанием для дальнейших ссылок на документ (Экштут 1994: 103; Киянская 2002: 114). Однако столь важная и интригующая характеристика содержания данного источника не повлекла за собой его публикацию и тщательное исследование.

Между тем, в научной традиции письму Добровольского придавалось все более серьезное значение. Так, комментируя письма П. Д. Киселева к М. Ф. Орлову с осуждением его связей с «красноречивыми бунтовщиками», Т. П. Ден поясняла: «Киселев, вероятно, намекает на В. Ф. Раевского и П. И. Пестеля, на которых он в начале ноября 1822 года получил донос от Добровольского, сослуживца Пестеля. В связи с этим доносом Киселев даже предполагал в ноябре 1822 года навсегда уехать за границу» (Ден 1956: 228)¹.

Неоднократное упоминание документа в научной традиции создавало иллюзию известности его содержания, а контекст упоминания подводил читателя к выводу о том, что письмо представляет собой ранний «донос» на декабристское Южное общество, содержащий данные об антиправительственной деятельности его лидера П. И. Пестеля и других видных декабристов (в частности, С. П. Трубецкого).

Несмотря на это, сам текст интереснейшего документа все еще не введен в оборот, и по этой причине упоминания об этом источнике требуют проверки. Настоящая публикация призвана заполнить эту лакуну,

---

¹ Следует отметить, что, как покажет дальнейшее изложение, письмо Добровольского не содержит данных о В. Ф. Раевском.

а также уточнить существующие представления о содержании и значении письма Добровольского.

II

При знакомстве с публикуемым источником может появиться разочарование: сведения, которые содержит письмо полковника Михаила Добровольского — командира Уфимского пехотного полка, входившего в состав 2-й армии, — на первый взгляд не содержат обилия новой информации. Эти сведения прибавляют немного с фактической стороны к уже известной картине распространения тайных обществ среди офицеров 2-й армии, в том числе к достаточно проясненной исследователями истории декабристской организации на юге.

Однако, в первую очередь, наиболее важным представляется сам факт появления письма, также как и тот специфический, особый характер документа, вполне отразившийся в его тексте.

Публикуемый источник — это не *донос* на тайное общество осведомленного лица, участника конспиративной организации, либо человека, вошедшего в прямой контакт с ее членами. Письмо представляет собой донесение человека, который выполняет вполне конкретное задание. Это задание можно определить как розыск данных и наблюдение за настроениями и действиями определенного «сословия» людей — очевидно, чинов 2-й армии, которые заслужили подозрение ее военного руководства. Автор письма-донесения основывается на данных, полученных от своего информатора, который, по-видимому, имеет постоянные контакты с участниками собраний, закрытых для посторонних.

Содержание и характер письма отчетливо указывают на полицейское направление секретной деятельности его автора. В этой связи исследователю необходимо затронуть вопрос о функционировании полицейской службы во 2-й армии.

III

Учреждение тайной службы для выявления, слежки (наблюдения) и пресечения деятельности политически подозрительных и опасных людей среди, главным образом, офицерства было обусловлено сложившимися обстоятельствами. Военные перевороты и революции конца 1810-х — начала 1820-х гг., всплеск греческого национально-освобо-

дительного движения существенным образом повлияли и на отношение власти к событиям внутри страны. Распространение заговоров и тайных обществ в Европе и, по первым сообщениям, в Российской империи также вызывало беспокойство. Особую опасность политически «неблагонадежные» лица, которые, по официальному мнению, способствовали «брожению умов», представляли в армии. В начале 1820-х гг., после «Семеновской истории», власти стали уделять больше внимания контролю за состоянием умов в армии: неслучайно именно к этому времени относится появление проектов об учреждении секретных военных полиций. Многие проекты были воплощены в жизнь, в русской армии одна за другой основывались тайные службы для наблюдения за состоянием умов.

Что касается 2-й армии, то здесь «не было генерал-полицмейстера, но высочайшим повелением назначен был директором так называемой высшей полиции чиновник Достанич, который, по поручению Киселева, составил “Положение об учреждении при 2-й армии высшей полиции”», — писал историк и биограф П. Д. Киселева, основательно изучивший архивные документы (Заблоцкий-Десятковский 1882 (1): 232). Для нас важно, что отсутствовал официальный пост начальника полиции, — это говорит о секретном характере учрежденной службы, о том, что она действовала особым образом.

Упомянутый выше С. С. Достанич, сначала одесский полицмейстер, а затем «член одесской таможни», был известен Киселеву уже в начале 1819 г. (Киселев 1998: 35, 112). Он быстро завоевал доверие начальника штаба 2-й армии, который характеризовал его как «человека благородного и чиновника деятельного», «человека с умом и проворного» (Закревский 1891: 44, 101)². В начале 1822 г., после нескольких лет ходатайств перед императором, Киселев утвердил Достанича в должности начальника тайной полиции 2-й армии (Заблоцкий-Десятковский 1882 (1): 232; Закревский 1891: 101).

---

² Вместе с тем любопытно отметить, что С. С. Достанич, по отзыву Киселева, относился к числу «пострадавших по службе». Он испытал «преследование» со стороны Новороссийского генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона и оказался «жертвой недоброжелателей своих». Киселев считал его невинным; речь, скорее всего, шла о служебных злоупотреблениях (Закревский 1891: 44). Эта черта достаточно характерна для многих лиц, подвизавшихся на поприще полицейской деятельности.

Проект об учреждении (точнее — о новом устройстве³) «высшей полиции» при Главном штабе 2-й армии, созданный при участии С. С. Достанича, был направлен в Петербург несколько ранее, в 1821 г., но, по данным А. П. Заблоцкого-Десятовского, не получил высочайшего одобрения (Заблоцкий-Десятовский 1882 (1): 233). Содержание проекта до нас не дошло. Известно лишь, что создаваемая полиция **«должна была действовать чрез посредство тайных агентов»**. Относительно выбора агентов Достанич предлагал использовать такие методы привлечения, как **«угощение, обольщение»**, а также **«заманивание <...> всякого рода людей»**, в том числе еврейского населения, многочисленного в крае и содержавшего трактиры, корчмы и т. д. Киселев, признавая необходимость создания сети агентов, полагал необходимым **«облагородить»** полицейскую службу, хорошо платить чиновникам «высшей полиции», привлекая **«людей благородных и по хорошему воспитанию способных быть верными орудиями для отвращения зла, а не бесчестными клеветниками»**, которыми зачастую были наполнены такого рода службы (Заблоцкий-Десятовский 1882 (1): 232–233)⁴.

Отвергнутый императором проект «высшей полиции» не стал единственной инициативой в этом направлении. Киселев ввел эту службу своей властью, получив устное одобрение от императора на представленные особые «записки». Разговор о необходимости тайной полиции в армии, видимо, состоялся при личной встрече с Александром I в Слониме (май 1821 г.): Киселев представил императору доклад **«о необходимости устройства тайной полиции»** в армии и несколько записок **«о тех предметах, которые требуют нового постановления»**. На встрече в Слониме император дал устное согласие на учреждение во 2-й армии секретной службы и назначение ее директора, но **«без предоставления способ»**, прежде всего финансовых (Заблоцкий-Десятовский 1882 (1): 135;

---

³ Во 2-й армии, как и в других военных частях, существовали: «обычная» военная полиция, возглавляемая офицерами-гевальдигерами, а также жандармские команды, исполнявшие полицейские функции, и служба тайной полиции, во главе которой первоначально стоял подполковник Тишин (см. о нем ниже).

⁴ В письме от 10 января 1823 г. из Варшавы Киселев, рассказывая о своей встрече с Александром I, сообщал, что говорил с императором о полиции, **«которая часто более вредит, чем приносит пользы»** (Закревский 1891: 110).

(4): 38; Закревский 1891: 84, 246)⁵. В июне 1821 г. дежурный генерал Императорского Главного штаба А. А. Закревский писал Киселеву, что все ранее поданные (очевидно, через Главный штаб) «записки» одобрены императором (Закревский 1891: 246).

Позднее, 1 февраля 1822 г. Закревский информировал Киселева о судьбе записок, поданных Александру I в Слониме, причем некоторые из них оказались в распоряжении конкурента и противника Киселева И. И. Дибича, начальника Главного штаба 1-й армии. А в мае 1822 г. Дибич прислал Киселеву для ознакомления инструкцию для генерал-полицмейстера, состоящего при армии (Закревский 1891: 104, 255). Конкурентная борьба за право и приоритет систематического введения военной тайной полиции обострилась...

Киселев действовал самостоятельно, опираясь на устное согласие Александра I. Согласно письму Киселева А. А. Закревскому от 15 марта 1822 г., тайная полиция возникла (точнее — была заново организована) «в июле 1821 года, много оказала услуг полезных, ибо много обнаружила обстоятельств, чрез которые лица и дела представились в настоящем виде; дух времени заставляет усилить часть сию, и я посему делаю свои распоряжения», — констатировал первые результаты этой работы Киселев (Заблоцкий-Десятковский 1882 (1): 157; Закревский 1891: 96). Таким образом, пост директора «высшей полиции» был учрежден, и чиновник Достанич легко нашел себе применение.

В ноябре-декабре 1821 г. идея «учреждения» тайной полиции оживленно обсуждалась генералитетом 2-й армии, о чем свидетельствуют письма командира 6-го пехотного корпуса И. В. Сабанеева и начальника корпусного штаба О. И. Вахтена Киселеву; обсуждались конкретные кандидатуры офицеров, способных заниматься по этой части, особое внимание уделялось их опыту и способностям (Раевский 1980: 150, 155–156)⁶.

Созданная Киселевым тайная полиция была подчинена непосредственно начальнику Главного штаба 2-й армии⁷. Хотя «правильная»

---

⁵ Об этом Киселев писал в 1826 г. в проекте оправдательного письма Николаю I, опубликованном А. П. Заблоцким-Десятковским.

⁶ Так, О. И. Вахтен писал Киселеву: «Липранди один только, который по сведениям и способностям может быть употреблен по части полиции; он даже Воронцовым по сему был употребляем во Франции» (Раевский 1980: 150).

⁷ В письме от 12 апреля 1826 г. главнокомандующий 2-й армией П. Х. Витгенштейн писал Киселеву о причине прохладного отношения к нему Николая I:

(т. е. систематическая) организация службы, видимо, не была осуществлена, с первых шагов началась работа по созданию сети сотрудников и агентов. Главными помощниками Киселева, по мнению его биографа, были чиновники штаба армии: генерал-вагенмейстер подполковник Макаров, старший адъютант Киселева по управлению дежурного генерала подполковник Чепурнов⁸ и майор Давыденков. Обращают на себя внимание высокие чины офицеров и их приближенность к Киселеву. В «наблюдении» участвовали находившиеся при корпусах жандармские офицеры и пользующиеся доверием адъютанты командиров корпусов и дивизий.

В связи с публикуемым документом особо подчеркнем, что тайная полиция опиралась на **«деятельность нескольких избранных агентов»**, которые доставляли сведения Киселеву, И. В. Сабанееву и другим начальникам (Заблоцкий-Десятовский 1882 (1): 233–234).

Одной из главных задач вновь учрежденной службы стало выяснение политических настроений в среде чиновников и офицеров армии. С помощью специально подобранных военным начальством (начальником Главного штаба, корпусными и бригадными начальниками) агентов осуществлялось наблюдение за настроениями офицеров и солдат, надзор над людьми **«неблагодарными»** (Заблоцкий-Десятовский 1882 (1): 156). Несомненно, что в качестве агентов, и тем более — лиц, собиравших информацию и доставлявших ее руководству 2-й армии, могли быть задействованы офицеры, вплоть до полковых командиров.

Сохранилась инструкция для агентов тайной полиции, которая раскрывает круг их занятий и наблюдений. Прежде всего, необходимо было собирать сведения, **«не существуют ли между некоторыми из офицеров сходки под названием клуба, ложи и проч.? Вообще, какой дух в полку и нет ли суждений о делах политических или правительства?»** (цит. по: Семенов 1982: 159; оригинал: РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 619. Л. 106.).

«значительная часть Главной квартиры была замешана в гнусном заговоре, которого вы в течение такого долгого времени не могли открыть, имея в непосредственном распоряжении полицию» (Заблоцкий-Десятовский 1882 (1): 251).

⁸ В довольно любопытном свете предстает фигура подполковника Чепурнова, который, согласно воспоминаниям члена тайных обществ Н. В. Басаргина, входил в сообщество офицеров Главной квартиры 2-й армии, ближайшее окружение конспираторов (Басаргин 1988: 52). Об этом сообществе еще будет сказано несколько слов.

В 1823 г. было разработано «Положение об учреждении при 2-й армии Высшей полиции», согласно которому деятельность этой службы должна была проходить «в непроницаемой тайне» от прочих чинов армии. Возглавлял полицию директор, состоящий при Главном штабе армии, под распорядением Киселева, у директора была своя канцелярия. Согласно Положению, «высшей полиции» следовало «привлечь к содействию людей благородных и по хорошему воспитанию способных быть верными орудиями для отвращения зла, а не бесчестных клеветников» (цит. по: Киянская 2002: 109–110). Без сомнения, под эту категорию подходили, прежде всего, образованные люди, служившие в составе 2-й армии, главным образом — офицеры и военные чиновники. Подбором «людей умных и хорошей нравственности», которые обеспечили бы тайну полицейской деятельности и «успех в приобретении сведений», и было озабочено как руководство вновь создаваемой полицейской службы, так и ее инициатор Киселев.

Перед сотрудниками и агентами ставилась задача выяснения следующих вопросов: «Нет ли между войсками ропота, вредных мыслей и тайных сходбищ? Не возобновляются ли уничтоженные масонские ложи и нет ли суждений о делах политических? <...> В чьем доме чаще сходятся в приметном количестве офицеры?» (цит. по: Киянская 2002: 111).

В письме Закревскому от 22 января 1822 г. Киселев предлагал достаточно серьезные меры в отношении «вскруженных голов»: «остается зараженных удалять и поступать с ними как с чумными: лечить сколько возможно, но сообщение воспрещать» (Заблоцкий-Десятковский 1882 (1): 156; Закревский 1891: 86, 88, 90–91). Важнейшим звеном наблюдения и «лечения» являлась, несомненно, агентура вновь созданной тайной полиции.

Как видим, главный интерес был направлен на получение информации о наличии масонских лож и других тайных обществ в армии, причем особое внимание уделялось «суждениям о делах политических», «вредным мыслям» и поведению офицеров. Это направление деятельности прямо соотносится с содержанием публикуемого письма полковника Добровольского.

Внимание тайной полиции, судя по переписке генералитета 2-й армии, распространялось и на «расследование» о масонских ложах (Раевский 1980: 158)⁹. Важным направлением деятельности полиции было

---

⁹ См. отрывок из донесения неизвестного агента тайной полиции о сделанном ему поручении «наблюдать за членами» одной из масонских лож в письме

выявление разного рода служебных злоупотреблений, которые были многочисленны и повсеместны (Заблоцкий-Десятовский 1882 (1): 232). Еще одним полем деятельности являлось наблюдение за «нравственностью» офицеров, особенно вновь поступавших в армию. Киселев просил Закревского своевременно сообщать о переводимых из гвардии офицерах, «объяснив именно за что, дабы по нравственности сосланного и присмотр за ним мог быть приличным» (Заблоцкий-Десятовский 1882 (1): 156).

Отметим один характерный факт: пост начальника тайной полиции 2-й армии мог занимать офицер в высоком чине, являвшийся одновременно, например, командиром полка. Так, предшественником С. С. Достанича на посту начальника тайной полиции (до полной реорганизации этой службы, проведенной Киселевым в 1821 г.) являлся подполковник Селенгинского пехотного полка Тишин; он был переведен из 1-й во 2-ю армию в 1819 г. вместе с полком, в котором служил¹⁰.

Отметим также, что, когда весной 1825 г. Киселев отдал распоряжение установить слежку за Пестелем, главными исполнителями этого решения были штаб-офицеры, два подполковника — Макаров и Давыденков. Это говорит о том, что для выполнения секретных и ответственных заданий учрежденной во 2-й армии «высшей полиции» привлекались офицеры в крупных чинах.

Характерно в этой связи, что некоторые участники декабристского общества считали «шпионом», агентом правительства в своих рядах полковника П. В. Аврамова (Киянская 2002: 169), что свидетельствует о самой возможности использования для нужд «тайной полиции» офицеров в больших чинах, в том числе полковых командиров.

IV

Результаты деятельности тайной полиции во 2-й армии трудно оценить в полной мере. В письме А. А. Закревскому Киселев отмечал, что

Сабанеева за декабрь 1821 г.; при этом агент признавался, что «никого не уличил» (Раевский 1980: 158).

¹⁰ Этот офицер, по отзыву начальника штаба 1-й армии И. И. Дибича, «был употребляем во всю службу более по особенным поручениям». Но его профессиональные качества не устроили Киселева («Тишин для сего дела не годится — одни сплетни и интриги»), и вскоре Тишин был освобожден с этого поста (Киселев 1998: 118; Закревский 1891: 96).

мнения «подозрительных людей» среди офицеров ему хорошо известны. В их действиях он не видел ничего систематического. **«Следя за ними, я не страшусь какой-либо внезапности»**, — добавлял он (Заблоцкий-Десятовский 1882 (1): 157). Однако дальнейшие события поставили под сомнение его уверенность.

Налаженная агентурная и иная деятельность секретной службы не смогла обнаружить тайное политическое общество, удобно разместившееся при Главном штабе армии. В своей оправдательной записке 1826 г. Киселев писал, что полиция позволила ему иметь сведения о служивших в армии **«злонамеренных лицах»**. В начале 1825 г. подозрения пали на П. И. Пестеля, вследствие его связей с отставным полковником В. Л. Давыдовым, **«коего развратные мнения были известны»**. Об этом Киселев доложил П. Х. Витгенштейну; за Пестелем был установлен надзор. Но донесения о Пестеле, утверждал Киселев, **«не заключали в себе ничего достойного внимания, и лишь в декабре месяце по письму Майбороды дело сие пред глазами моими начало раскрываться, и многие обстоятельства, на память приходившие, начали убеждать меня в истине его показания»** (Заблоцкий-Десятовский 1882 (4): 38).

Оправдываясь в том, что за многие годы не открыл существование тайного общества в Тульчине, Киселев писал П. Х. Витгенштейну в 1826 г., в письме, предназначенном для Николая I:

«Занимаясь беспрерывно, под руководством вашим, водворением устройства по всем частям армии, я в 1821 г., с разрешения вашего, имел счастье <...> представить лично доклад покойному государю о необходимости устроения тайной полиции, и успел только в том, что Его Величество изволил согласиться назначить директора оной (речь идет о С. С. Достаниче. — П. И.), но без предоставления просимых способов, необходимых к извлечению той пользы, которой должно ожидать от полиции <...> а посему ваше сиятельство в 1823 году вторично изволили представить о том же и вторично не имели удовлетворительного отзыва» (Заблоцкий-Десятовский 1882 (4): 38).

По словам Киселева, это не позволило в полной мере развернуть работу тайной службы. Кроме того, многие донесения **«дешевыми способами приобретались»** и мало что давали, других источников информации практически не было. Донесения касались в основном отношений между офицерами, офицерами и нижними чинами, злоупотреблений

по хозяйственной части и т. д. Поступавшая информация позволяла говорить о хорошей нравственности войск, но эти донесения «нисколько не могли открыть тайных скопищ некоторых порочных и хитрых людей, которые даже от надзора государственной полиции умели скрыть столь продолжительное время пагубное их действие». Киселев прямо говорил о том, что тайные общества смогли укрыться и от внимания центральных полицейских учреждений. Своей заслугой и «успехом» в полицейской деятельности он выставлял раскрытие «дела» В. Ф. Раевского: «надзор, за нижними чинами устроенный, ознаменовался тем, что в 1821 году, когда Раевский произнес нижним чинам несколько возмутительных слов, то в то же время сие сделалось известным начальству, и он был предан суду под особым надзором генерала Сабанеева». Дальнейший неуспех в деле раскрытия тайного общества он объясняет тем, что «последователи» В. Ф. Раевского были осторожнее, «действовали в малом кругу сообщников и тайны своей никому не доверяли <...> и начальству не дали возможность открыть их скопище» (Заблоцкий-Десятковский 1882 (4): 38).

Но заявляя о том, что не было никаких точных сведений о принадлежности к тайному обществу многих чинов Главной квартиры в Тульчине, Киселев тем самым ставил под вопрос эффективность деятельности учрежденных им полицейских служб, призванных следить за настроениями в офицерской среде. Неслучайно одним из главных обвинений в причастности Киселева к декабристскому заговору служило то соображение, что начальник Главного штаба 2-й армии не мог раскрыть тот заговор, в котором была замешана значительная часть подчиненных ему офицеров (Семенова 1982: 173).

V

Но в одном пункте своих оправданий в 1826 г. Киселев был совершенно прав: именно тайная полиция смогла добыть необходимые обвиняющие данные и помогла инициировать «дело» В. Ф. Раевского и начальника 16-й пехотной дивизии М. Ф. Орлова, расследование которого началось в своей тайной фазе в ноябре 1821 г. (Раевский 1980: 28).

Тогда было обращено внимание на «вольнодумцев» дивизии М. Ф. Орлова, началось «неусыпное за этеристами нашими наблюдение» (из письма И. В. Сабанеева Киселеву от 22 декабря 1821 г. (Раевский

1980: 154). Занятия и разговоры майора Раевского контролировались несколькими агентами, которыми руководили корпусной командир И. В. Сабанеев и бригадный командир Я. Я. Черемисинов. Последнему было поручено «тайно разведать» о солдатской школе в 32-м Егерском полку, в котором служил Раевский. Черемисинов приступил к «осторожному и точнейшему исследованию» (Раевский 1980: 152). В конце 1821 г. агенты секретной полиции донесли И. В. Сабанееву о «происшествии» в Камчатском пехотном полку, которое затем послужило обвинению Орлова и Раевского. Тогда же Сабанеев в письме Киселеву упомянул о своих «лазутчиках», которые приглашали его прибыть в Кишинев (Заблоцкий-Десятковский 1882 (1): 158–159).

«Занимающийся по части тайной полиции» в Кишиневе Барц фигурирует в письмах Сабанеева к Киселеву как человек, наблюдающий за Раевским и доставляющий о нем сведения. По словам Сабанеева, «он (Барц. — П. И.) с товарищем его <...> будет наблюдать за майором Раевским». Весьма показательна, что майор 32-го Егерского полка И. М. Юмин открыл существование Союза благоденствия именно Барцу, после чего об этом стало известно Сабанееву. Однако розыск сведений о подозрительных офицерах осуществлял не только агент Барц, но и наделенные доверием начальства офицеры 2-й армии: так, за Раевским наблюдал адъютант И. В. Сабанеева подполковник Я. И. Радич. Барц рекомендовал военному начальству нескольких офицеров разных полков, которые, по его мнению, по своей «нравственности» были способны действовать в сфере тайной полиции (среди них был майор И. М. Юмин)¹¹.

Следы добытой тайной полицией информации по «делу» Раевского отразились в письмах Киселева к Закревскому за январь и февраль 1822 г. Киселев сообщает о наличии в армии людей опасных, «вольнодумцев», но уверяет, что все они под контролем, что ему известны все их дей-

---

¹¹ Для оценки личности агентов тайной полиции характерным является тот факт, что Барц тоже принадлежал к «пострадавшим по службе». Сабанеев в феврале 1822 г., уже после завершения предварительного расследования дела Раевского, в котором Барц сыграл значительную роль, писал Киселеву: «Помогите несчастному Барцу. Дайте ему средства заслужить милость царскую и будьте его ходатаем». Оказалось, что «единственное средство к жизни» Барца — это хлопоты «по тяжёлым делам», он прежде служил по интендантству и был лишен чина 9-го класса и орденов, — видимо, и за ним числились злоупотребления (Раевский 1980: 178, 185).

ствия. Судя по этим письмам, благодаря донесениям агентов он хорошо знал обстановку в дивизии М. Ф. Орлова: **«в 16-й дивизии есть люди, которых должно уничтожить <...> Я давно за ними смотрю»**. В письме от 15 февраля Киселев подтверждает, что эти люди уже давно находятся под надзором, а сам он знает **«все то, что в полках его (М. Ф. Орлова. — П. И.) делается»**. Такого рода информация, безусловно, была бы невозможна без деятельности полицейской службы.

Тайное расследование по «делу» Раевского завершилось в феврале 1822 г.¹². 6 февраля 1822 г. В. Ф. Раевский был арестован, вскоре последовало фактическое отстранение от поста командира дивизии М. Ф. Орлова. Но в сферу внимания тайной полиции, а затем и ее устроителя Киселева, этот офицер попал гораздо ранее. 27 февраля Киселев сообщал Закревскому, что он **«давно <...> имел под надзором некто Раевского»**, известного своим вольнодумством, и что были предприняты **«явные и тайные исследования о всех его поступках»**. Киселев и лично руководил некоторыми из такого рода исследований, приехав в Кишинев (**«Я здесь живу для собрания надлежащих сведений»**, — пишет он Закревскому) (Закревский 1891: 93). Полицейская агентура смогла перехватить письмо Раевского к полковнику А. Г. Непенину, которое открыло ряд важных для расследования данных; агентам удалось раздобыть другие документы и бумаги (Раевский 1980: 30).

В результате деятельности агентов тайной полиции были получены сведения о содержании занятий, проводимых В. Ф. Раевским в солдатской ланкастерской и юнкерской школах, об отношениях его с нижними чинами, достаточных для выдвижения обвинений в нарушении дисциплины и **«вредных внушениях»** (Раевский 1980: 28, 152, 154, 404).

В ходе **«осторожного и точнейшего исследования»** именно тайные агенты доставили первичную информацию, составившую материал для допросов чинов 32-го Егерского полка, в котором служил В. Ф. Раевский. Таким образом, деятельность тайной полиции послужила важнейшим фактором, который способствовал «открытию» «вольнодумцев» в дивизии М. Ф. Орлова и, в конечном счете, привел к прекращению деятельности членов тайного общества в этой дивизии.

---

¹² Любопытно, что активность агентов полиции не осталась тайной для самих подозреваемых. Еще 25 ноября 1821 г. М. Ф. Орлов писал П. А. Вяземскому: **«Донесения частных и подлых шпионов более или менее позлащены клеветою. Их выгода явственна»** (Орлов 1963: 235).

VI

При анализе публикуемого источника особое внимание привлекает к себе автор письма, содержавшего «оперативную информацию» — полковник Михаил Добровольский.

В одной из сохранившихся частей архива П. Д. Киселева имеются 11 писем и записок М. Добровольского¹³. Из них явствует, что Добровольский был лично обязан Киселеву в развитии своей карьеры. Наиболее любопытно для нас первое письмо Добровольского, от 9 января 1822 г., отправленное из Винницы (РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 192. Л. 1–2об.). Место отправления этого письма совпадает с местом, которое указано в публикуемом документе. Очевидно, именно в Виннице находилась штаб-квартира Уфимского пехотного полка, которым командовал Добровольский. Здесь же, по-видимому, развернулось основное поле деятельности полковника, в качестве сотрудника тайной полиции.

Город Винница, находясь в непосредственном соседстве с Тульчиным, был, вне всякого сомнения, весьма удобным пунктом для наблюдения за офицерами штаба 2-й армии. Здесь же, рядом, находилось и местечко Линцы, где квартировал Вятский пехотный полк, которым командовал Пестель. Встречи с командиром соседнего полка, безусловно, были регулярными. Учитывая сведения, поступавшие от неизвестного нам «информатора» полковника Добровольского, за Пестелем следовало установить особо бдительное наблюдение; без сомнения, непосредственное участие в этом принял сам полковник Добровольский. Не исключено, что командир соседнего полка был специально привлечен Киселевым для «присмотра» за Пестелем.

Переход Добровольского во 2-ю армию состоялся в конце 1820 г. Об этом свидетельствуют материалы переписки А. А. Закревского и Киселева. В письме Закревского от 1 ноября 1820 г. говорится: **«Желание Орлова исполнишь по возможности касательно перевода подполковника Добровольского из 1-й армии»** (Закревский 1891: 233). Очевидно, этот перевод рассматривался как новый шаг в карьере. Вскоре последовало производство Добровольского в новый чин полковника.

---

¹³ РГИА. Ф. 958 (П. Д. Киселев). Оп. 1. Д. 192. Письма Добровольского, полковника, П. Д. Киселеву. 1822–1843 гг. Благодарю Т. Н. Жуковскую за содействие в работе над этими архивными материалами.

В письме к Киселеву от 9 января 1822 г. Добровольский говорит о «милости монарха», благодаря которой (и по ходатайству Киселева), «при повышении за отличие по службе чином» он получил место полкового командира. Он обещает употребить все свои способности, чтобы «**быть в числе достойных покровительства Вашего Превосходительства**» (РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 192. Л. 1–10б.)

В 1823 г. Киселев, очевидно, предпринял новые усилия для поощрения Добровольского. В письме Закревского от 8 марта 1823 г. говорится: «о Добровольском пришлю после ответ <...> Возвращаю записку о Добровольском, на коей прописана служба его на обороте; внутренняя стража его хвалит, но я редко даю оной веру, следовательно, от тебя теперь зависеть будет его перевод» (Закревский 1891: 272–273). Добровольский успешно продолжал службу во 2-й армии.

Вполне очевидно, что Киселева и Добровольского длительное время связывали доверительные отношения. Такого рода личные отношения начальника и подчиненного сохранялись и в последующие годы. Добровольский снабжает Киселева мастеровыми и механиком «для мельницы», выполняет его частные поручения. Он постоянно пользуется поддержкой и покровительством Киселева, занимая должность в Главном штабе 2-й армии. Однако письма 1827 г. сохранили следы кризисных событий в жизни полковника: над ним нависло обвинение в служебных злоупотреблениях (по всей видимости, в связи с получением казенных денег за «сапожный товар» в Балтской комиссии). Добровольский просил своего благодетеля «определить <...> к другому месту», жаловался — «существование мое есть самое жалкое» и «уповал» только на Киселева (РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 192. Л. 40б., 60б.). Вероятно, вследствие заступничества Киселева угроза суда или отставки была преодолена¹⁴. В 1829 г. участник русско-турецкой войны полковник Добровольский по представлению Киселева награждается орденом Владимира 3-й степени (РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 192. Л. 10–11).

Место службы Добровольского переменялось только около 1832 г.: очевидно, он перешел в состав 1-й армии и вышел из подчинения Ки-

---

¹⁴ Добровольский в письме от 20 июля 1827 г. так оценивал роль Киселева в своей жизни: «продолжении многих лет служения моего озарял ее (жизнь. — П. И.), а в настоящее время спасает вместе с поддержанием 27-летней репутации». Отсюда следует, что Добровольский вступил на действительную службу не позднее 1800 г. (РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 192. Л. 5).

селеву (письмо от 8 декабря 1832 г. из г. Бельска; автор просит прощения, если заслужил неудовольствие Киселева: «ибо, тщательно поверяя мое поведение, не могу постигнуть причины, переменившей (?) предполагавшегося для меня счастья продолжать службу под началом Вашего Превосходительства»). После выхода в отставку Добровольский продолжал переписку с бывшим начальником, а Киселев, по-видимому, старался по мере сил помочь старому доверенному лицу, выпросив для него аренду (РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 192. Л. 10–11, 14, 15)¹⁵.

Письма Добровольского наполнены выражениями «беспредельной и вечной» благодарности начальнику «за благодеяния», слишком частыми для обыкновенного случая. Из таких подчиненных, лично обязанных начальнику в благополучном карьерном росте и материальном положении, конечно, легко было формировать надежные кадры для служб, связанных с полицейскими функциями. Они могли стать эффективно действующими и исполнительными чиновниками, в том числе лично выполнять особо важные и секретные поручения.

При всем интересе к личности полковника Добровольского, — по большому счету, достаточно обыкновенного офицера, ставшего полковым командиром, совмещавшим непосредственные служебные обязанности и функции сотрудника тайной полиции, не меньшее внимание привлекает личность человека, снабжавшего его информацией о тайных обществах.

О нем мы узнаем немного. По-видимому, он был вхож в круги как польских, так и русских конспираторов, возможно, состоял в одной из масонских лож, во всяком случае, этот человек располагал информацией о названии одного из польских тайных обществ. Он знал и о тайном «сословии», которое составляли влиятельные русские офицеры в разных городах империи. Характер информации говорит о том, что «информатор» Добровольского был достаточно осведомленным человеком.

Из текста письма видно, что «информатор» полковника Добровольского контактирует с ним не первый раз. Очевидно, у них уже была налажена достаточно устойчивая связь. Скорее всего, предыдущая по-

---

¹⁵ Переписка Добровольского и Киселева продолжалась до 1843 г. Столь же длительными были связи Киселева с бывшим начальником тайной полиции 2-й армии С. С. Достаничем, последнее письмо которого датировано 1842 г. (РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 198).

лученная Добровольским информация о тайных обществах была доставлена именно от неизвестного «информатора». Исследователь, разумеется, должен с сожалением констатировать, что публикуемый документ не содержит никаких биографических данных этого «информатора», идентифицировать которого было бы крайне интересно.

Отметим особо, что информация, полученная Добровольским, органично укладывается в известные историкам данные о тайном обществе декабристов. В пользу этого предположения говорит и фамилия одного из участников того «сословия», о котором сообщал Добровольскому «информатор» — полковника Пестеля. Вполне возможно, Добровольский контактировал с одним из участников декабристского тайного общества, знавшим о продолжении его деятельности после роспуска Союза благоденствия, либо лицом, осведомленным о существовании декабристской конспирации.

Говоря о возможных источниках информации о тайном обществе декабристов, которая поступала правительству еще прежде доносов участника петербургских управ Союза благоденствия М. К. Грибовского (конец 1820 — середина 1821 г.), исследователи высказывали предположение о присутствии в рядах декабристской организации доносчика или агента тайной полиции. В частности, говорилось о подобной роли Н. И. Комарова, служившего при штабе 2-й армии в Тульчине. Возможно ли, что в публикуемом документе отразился след доносов Комарова, столь долго и безрезультатно разыскиваемых историками? Мы сомневаемся в этом, как, впрочем, и в самой версии об агентурно-полицейской деятельности Комарова¹⁶.

---

¹⁶ М. В. Нечкина связывала с именем Комарова не вполне ясные указания о том, что власть получила информацию о событиях ранней истории декабристских обществ, в частности о т. н. «Московском заговоре» 1817 г. (Нечкина 1955: 179, 325, 451). Доказательств подобной деятельности Комарова не существует, поэтому упомянутые предположения нельзя считать обоснованными. В нашем случае есть потребность установить личность информатора М. Добровольского, который передавал сведения об обширном «сословии» лиц. На эту роль, казалось бы, может претендовать Комаров. Но характер содержащихся в письме данных не позволяет считать «информатором» Добровольского столь осведомленное в делах тайного общества лицо, каким был Комаров. Кроме того, на следственном процессе Комаров не преминул бы для своего оправдания сослаться на собственную агентурную деятельность, по примеру И. М. Юмина, — чего, однако, не произошло.

VII

Обратимся к анализу содержания документа. Письмо Добровольского недвусмысленно говорит о том, что как сам Киселев, так и автор письма, уже осведомлены о существовании некоего «сословия», которое включает в себя многих офицеров 2-й армии (**«штаб- и обер-офицеров разных полков»**), а также лиц, живущих в столицах и других городах, в том числе **«значущих чиновников»**.

Сведения о масштабе, многочисленности и влиятельности этой организации, как видим, должны были внушать серьезные опасения и повлечь за собой самый серьезный интерес тайной полиции.

Очевидно, эти данные могут быть соотнесены со сведениями о Союзе благоденствия, который являлся самым многочисленным тайным обществом. Однако на момент написания письма Союз благоденствия на юге уже практически не существовал. Правда, многие из его участников вошли в состав новой тайной организации. В течение лета и осени 1821 г. среди офицеров, служивших в Тульчине и его окрестностях, формировалось новое тайное общество под руководством П. И. Пестеля и А. П. Юшневского. Вновь образовавшееся в полках 2-й армии в середине-второй половине 1821 г. общество, отказавшееся следовать официальному решению Московского съезда Союза благоденствия о роспуске конспиративной организации, первоначально действовало крайне осторожно. На протяжении 1821–1823 гг. известно совсем незначительное количество вновь поступивших членов и всего несколько организационных собраний в узком кругу первоначальных участников. Главным образом, в это время «перепринима́ли» старых, уже проверенных членов Союза благоденствия; среди них достоверно известны имена офицеров в крупных чинах (С. Г. Волконский, И. Н. Хотяинцев, братья М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы). В течение 1821–1823 гг. вновь принятых членов, которые ранее не состояли в тайных обществах, насчитывалось не более пяти человек (из их числа известны П. С. Бобрищев-Пушкин, М. П. Бестужев-Рюмин).

К этому времени относятся также неудачные попытки И. Г. Бурцо-ва устроить тайное общество во 2-й армии, согласно решениям съезда руководителей тайного союза в Москве.

Следует обратить внимание на то, что источник сведений Добровольского, по словам автора письма, стал в последнее время более ос-

торожным. Возможно, это связано с введением новых, гораздо более строгих принципов конспирации. Если ранее взгляды на изменение государственного строя активно проповедовались во «внешней среде», в том числе с целью приобщения новых adeptов, то теперь на первый план вышли задачи осторожной работы по укреплению и расширению рядов конспираторов. Именно с этой целью, вероятно, мог войти в контакт с «агентом» полковника Добровольского кто-то из участников тайного союза. Тайное общество Бурцова также должно было строиться по принципам строгой конспирации, отличавшимся от уставных требований Союза благоденствия¹⁷.

Большая осторожность «информатора» тайной полиции, близкого к тайному обществу, как представляется, была продиктована изменениями в организационных принципах нового союза.

Кроме того, ослабление агентурных контактов могло быть связано с существенными изменениями в личном составе тайной организации при ее преобразовании в Южное общество, в контексте отхода от нее многих бывших членов.

По оценке исследователей, 1822 г. был очень важной датой в жизни Южного общества. В этом году правительством были открыты активные действия против «вольнодумцев» в 16-й пехотной дивизии, началось известное дело В. Ф. Раевского (Семенова 1982: 158). Возникшие у дочерней по отношению к Тульчинской организации «управе» в 16-й пехотной дивизии осложнения не могли не повлиять на строгость конспиративных контактов даже с «доверенными» лицами, составлявшими ближайшее окружение членов тайного общества.

Указания о многочисленном «сословии» офицеров и чиновников в некоторой степени коррелируют со свидетельствами мемуаристов о кружке «вольнодумной» военной молодежи, который объединял в себе офицеров, служивших при Главном штабе 2-й армии. Это не имевшее, судя по всему, развитых организационных форм объединение известно благодаря воспоминаниям одного из его участников, Н. В. Басаргина (Басаргин 1988: 51–53; ср.: Бокова 2003: 99–102). Многие из

---

¹⁷ Сторонники Бурцова и близкие к нему лица (Е. В. Руге, Ф. Г. Кальм, Н. И. Комаров, в некоторой степени П. В. Аврамов и Н. В. Басаргин, а также представители Кишиневской управы Союза благоденствия, во главе с К. А. Охотниковым и А. Г. Непениным) в 1821–1822 гг. постепенно отошли от участия в движении (Макаров 1981).

офицеров-участников кружка, находясь в командировках по служебной надобности или в отпусках, могли проживать в столице и других городах, поэтому сведения из письма Добровольского не входят в противоречие с подобной интерпретацией.

В состав дружеского офицерского кружка входили, помимо участников декабристских тайных обществ, другие лица, составлявшие ближайшее окружение декабристов. Из числа членов Союза благоденствия в объединение входили офицеры Главного штаба 2-й армии П. В. Аврамов, А. П. Барятинский, Н. В. Басаргин, И. Г. Бурцов, В. П. Ивашев, А. А. Крюков, П. И. Пестель, А. П. Юшневский. К ним следует прибавить офицеров квартирмейстерской части, находившихся при штабе (в их числе: Н. И. Комаров, Н. А. Крюков, Е. В. Руге, П. И. Фаленберг, Н. И. Филиппович), а также офицеров-командиров окрестных полков И. Н. Хотяинцева, Ф. Г. Кальма, Р. В. Любимова. Остальные участники кружка, чиновники Главной квартиры 2-й армии, приводятся в упомянутых воспоминаниях Н. В. Басаргина.

VIII

Информатор открыл полковнику Добровольскому имена некоторых участников тайного «сословия» (к сожалению, автор письма называет только двух — полковника Пестеля и князя Трубецкого).

Знакомство П. И. Пестеля, с 15 ноября 1821 г. командира Вятского пехотного полка, до этого — адъютанта главнокомандующего 2-й армией П. Х. Витгенштейна, а затем офицера, состоящего при штабе армии, — с Добровольским, командиром одного из соседних полков, фиксируется имеющимися в нашем распоряжении источниками. В опубликованных письмах Пестеля к Киселеву упоминается фамилия Добровольского¹⁸. Несомненно, контакты Добровольского и Пестеля, ко-

---

¹⁸ «Господин Добровольский счел себя вправе назвать Пригоровского в качестве моего батальонного командира <...> Я был бы поставлен в неловкое положение, если бы назначение батальонного командира имело источником не меня, а другого полковника», — писал Пестель Киселеву в апреле 1822 г. Другое письмо, от 15 ноября 1822 г., также содержит прямое указание на контакты между двумя полковыми командирами: «Полковник Добровольский говорит, что вы намеревались продлить ваше пребывание за границей, а быть может, и совсем не вернуться. Я не хочу верить такому плохому известию» (Пестель 1926: 181, 185, 186, 191).

мандиров двух расквартированных рядом с Тульчиным полков, отличались регулярностью на протяжении 1822 и последующих лет. Расположение полка Добровольского в Виннице предоставляло удобную возможность для наблюдения за соседним полком, непосредственно контактировать с Пестелем, а соседство с Тульчиным позволяло наладить быструю и надежную связь с Главным штабом армии и лично П. Д. Киселевым. Остается неясным лишь ответ на вопрос: был ли полковник Добровольский лично связан с директором тайной полиции 2-й армии С. С. Достаничем или входил в круг собственных информаторов П. Д. Киселева? Так или иначе, Добровольскому удалось выяснить имена двух (а может быть, более) участников тайного «сословия», и с этого момента Пестель должен был находиться под его особым контролем. К сожалению, других писем Добровольского, которые содержали бы сведения о его полицейской деятельности, обнаружить не удалось.

Присутствие среди названных участников «сословия» князя Трубецкого, очевидно, служащего в Главном штабе 2-й армии («адъютант»), — привлекает к себе значительный интерес.

Прежде всего, следует заключить, что речь здесь идет не об известном деятеле декабристской конспирации С. П. Трубецком: в 1822 г. он не служил во 2-й армии, а был старшим адъютантом начальника Императорского Главного штаба (Декабристы 1988: 178).

В письме упоминается «Главный штаб», но здесь под ним понимается, несомненно, Главный штаб 2-й армии; другое истолкование этого понятия — находившийся в Петербурге Главный штаб Его императорского величества, в котором служили главным образом офицеры квартирмейстерской части, — менее убедительно и едва ли возможно. Причина одна — сведение воедино фамилий «полковника Пестеля» и «адъютанта Трубецкого» убедительно свидетельствует о том, что автор письма имеет в виду Главный штаб 2-й армии, в котором длительное время служил полковник (на момент написания письма) П. И. Пестель.

При Главном штабе 2-й армии действительно числился один из представителей разветвленного рода — князь Петр Иванович Трубецкой (1798¹⁹–1871), впоследствии сенатор, генерал от кавалерии, Смолен-

---

¹⁹ В исторической литературе распространена неверная дата рождения П. И. Трубецкого — 1789 г., дата исправляется по родословному списку из летописца рода Трубецких (Трубецкая 1891: 257).

ский, а затем Орловский военный губернатор (Басаргин 1988: 52; Трубецкая 1891: 257, 299).

П. И. Трубецкой поступил в штаб 2-й армии по рекомендации А. А. Закревского в 1819 г. Он стал адъютантом Киселева (**«тобою мне данный Трубецкой»**) — так был охарактеризован этот офицер в письмах Киселева Закревскому). Вскоре Трубецкой **«породнился»** с главнокомандующим 2-й армией П. Х. Витгенштейном, женившись на его дочери Эмилии (Трубецкая 1891: 258). **«Трубецкой твой живет без дела и теперь, породнившись с главнокомандующим, остаться должен»**, — писал Киселев Закревскому 15 мая 1822 г. (Закревский 1891: 8, 103).

Записки Н. В. Басаргина подтверждают, что П. И. Трубецкой, служивший при штабе 2-й армии, тоже входил в упомянутый выше кружок офицеров-вольнодумцев, группировавшихся в Тульчине вокруг лидеров декабристской конспирации — т. н. **«тульчинское офицерское сообщество»**, по формулировке современного исследователя В. М. Боковой. Участники «сообщества», помимо постоянного тесного дружеского общения, в свободное от службы время занимались самообразованием, а вечерами часто собирались для откровенных бесед, **«в которых преобладали общественно-политические темы»** (Басаргин 1988: 51–52; ср.: Бокова 2003: 99–102). Учитывая ведущую роль, которую играли в этом «сообществе» лидеры тульчинской управы Союза благоденствия, следует заключить, что в таких условиях, конечно, достаточно быстро и последовательно шло созревание устойчивых убеждений соответствующего политического направления, формирование группы единомышленников. Как обоснованно считает В. М. Бокова, **«тульчинское сообщество <...> существуя параллельно с тайным обществом, являлось постоянным источником вербовки членов в него»** (Бокова 2001: 102). Нельзя исключать, что П. И. Трубецкой оказался среди тех, кто, после нескольких лет тесного общения с участниками конспиративной организации, был введен в ее состав, а впоследствии остался невыявленным в ходе процесса 1825–1826 гг.

Однако историк не располагает данными о причастности П. И. Трубецкого к тайному обществу декабристов²⁰. Налицо лишь его включенность в «тульчинское сообщество» офицеров-сослуживцев.

---

²⁰ Необходимо отметить, что в известном исследовании В. М. Боковой к тайному обществу декабристов отнесен служивший при штабе 2-й армии князь Трубецкой, но дополнительной аргументации этого отнесения автор не приво-

Настоящий документ может служить основанием для постановки вопроса о причастности П. И. Трубецкого к деятельности конспиративной организации декабристов во 2-й армии. Не исключено, что перед нами неизвестный участник декабристской конспирации (вероятнее всего, Союза благоденствия). Однако мы не можем быть полностью уверены в точности указания Добровольского: ведь, как уже говорилось выше, речь в письме может идти о том же «тульчинском сообществе» офицеров. «Информатор» Добровольского мог быть недостаточно точно осведомлен о составе участников конспиративной организации. Не исключен и другой сценарий: «информатор» получил сведения о членстве в тайном «сообществе» некоего «адъютанта» Трубецкого, идентифицировав эти сведения с адъютантом Киселева П. И. Трубецким.

IX

Еще большее внимание и интерес исследователя привлекает к себе фигура «графа М.», упомянутого в документе.

Основываясь на привязке этого лица к польскому обществу «*Товарищество добротности*» (или «добрых дел»), следует заключить, что речь идет о представителе польской конспирации, либо польского политического масонства. Судя по всему, это польский аристократ, постоянно или подолгу проживающий на территории размещения полков 2-й армии; он находится в постоянном контакте с русскими офицерами. Сопоставляя эти указания с криптонимом, указанным в письме («**граф М.**»), правомерно сделать вывод: такое лицо известно в исторической литературе — это граф П. И. Мошинский.

Богатый помещик Волынской губернии, имения которого находились в ареале расположения полков 1-й и 2-й армий, в том числе недалеко от Тульчина, являлся заметной фигурой среди местных польских землевладельцев. Многие годы он избирался губернским маршалом (предводителем дворянства) Волыни. Мошинский постоянно жил в Житомире, где располагался корпусной штаб 1-й армии, в непосред-

---

дит (Бокова 2003: 101). По-видимому, произошла контаминация известного деятеля тайных обществ С. П. Трубецкого и П. И. Трубецкого, действительно служившего в Тульчине; нам не известны данные об участии последнего в декабристской организации.

ственной близости, в частности, от Черниговского пехотного полка. Во всяком случае, других деятелей польской конспирации в западных российских губерниях, которые бы соответствовали указанным данным («граф М.»), не обнаруживается.

Активное участие П. И. Мошинского в польском Патриотическом обществе прослеживается с 1821 г., вскоре после основания этой организации (май 1821 г.) (Ольшанский 1959: 50). В этом году он был направлен эмиссаром общества в Вильно, с целью налаживания контактов с литовским дворянством и организации отделения в Литовском крае (Медведская 1954: 282). Затем он становится представителем Центрального комитета на Волыни, членом Провинциального совета «*Волынь и Подолия*» («провинция» Патриотического общества охватывала Волынскую, Подольскую и Киевскую губернии). Одновременно Мошинский состоял членом масонской организации политического характера — «*Общества храмовых рыцарей*» (или «тамплиеров»), основанного еще в 1817–1818 гг., но получившего окончательное оформление в 1821 г. в Киеве. Это общество получило наибольшее распространение на Волыни и в других западных губерниях (Коробка 1909: 198, 202, 213, 215–216; Ольшанский 1959: 110, 128). Мошинский входил также в ложу «*Соединенные славяне*», основанную в Киеве. Именно польские участники этой ложи вошли в контакт с деятелями русских тайных политических организаций и способствовали установлению связей между польскими конспиративными структурами «*Обществом тамплиеров*», Патриотическим обществом и Южным обществом декабристов (Серков 2000: 199, 200).

В контакт с участниками Южного общества, согласно имеющимся данным, добытым, главным образом, в ходе официального следствия, Мошинский вступил в 1824 г. В августе этого года на Бердичевской ярмарке он встретился с членом Польского патриотического общества А. С. Гродецким, который передал ему сведения о русском тайном союзе. Осенью 1824 г. о Мошинском как участнике Польского общества от того же Гродецкого узнали С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин. В ноябре–декабре 1824 г. состоялось личное знакомство первого из них с Мошинским в Житомире, где Черниговский пехотный полк находился в карауле. Весной 1825 г. Мошинский втягивается в контакты с руководством Южного общества, встречается с С. Г. Волконским (в Житомире) и И. С. Повало-Швейковским (в Радомысле). Наиболее частыми оставались встречи с руководством Васильковской управы. Последняя встреча Мошинского с С. И. Муравьевым-Апостолом

состоялась накануне выступления Черниговского полка — 25 декабря 1825 г. На ней будущий глава мятежа пытался выяснить, что будут делать члены Польского общества, если восстанут части 1-й армии, искал поддержку своим действиям (Коробка 1909: 225; Медведская 1954: 294, 308, 313; Ольшанский 1959: 109, 129, 159).

Итак, по имеющимся до сих пор в распоряжении исследователей данным Мошинский не был связан с Южным обществом ни в 1821, ни в 1822 гг. Публикуемое письмо может служить свидетельством о ранних контактах Мошинского с декабристской средой, относящихся уже к 1821 — началу 1822 г. Именно в период пребывания в поместьях Волынской губернии, вероятнее всего, Мошинский мог войти в контакт с офицерами 2-й армии, участниками тайных обществ, и стать объектом пристального внимания тайной полиции и лично полковника Добровольского.

Другое упомянутое в письме Добровольского лицо, П. И. Пестель, хорошо знал Мошинского, но лично с ним, похоже, не встречался. Вот его показание о Мошинском: **«Граф Мошинский есть маршал дворянства Волынской губернии и живет обыкновенно в Житомире, но имеет поместье также в Волынской губернии, ездит иногда туда и в то время живет в местечке Бершаде, в 50 верстах от Тульчина, где находится штаб-квартира Одесского полка. Имени его я не знаю»** (цит. по: Коробка 1909: 227).

Из этого показания отчетливо видно, что Пестель не имел тесного знакомства с Мошинским, но в то же время был прекрасно осведомлен о его передвижениях и местожительстве; знал он и о принадлежности графа к Польскому тайному обществу. Стоит обратить внимание на то, что «местечко» Бершад (Бершадь) территориально расположено близ Тульчина и Винницы. Граф Мошинский легко мог стать предметом наблюдения как самого полковника Добровольского, так и его агентов. Следовательно, наше предположение о том, что в письме речь идет именно о графе Мошинском, приобретает дополнительную силу.

В связи с анализом письма Добровольского целесообразно затронуть вопрос о хронологии контактов Польского общества и декабристской конспирации.

По сведениям, добытым в основном на следственных процессах по делу декабристов и по делу польского Патриотического общества, контакты Южного и Польского обществ начались в январе 1823 г., когда во время Киевских контрактов руководители Васильковской управы С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин встретились с польским аристократом графом А. И. Ходкевичем, тесно связанным с

членами польского тайного общества. Первый официальный контакт произошел только через год, на тех же Киевских контрактах. Руководители Васильковской управы встретились с представителем Центрального комитета (или Верховного совета) Польского патриотического общества С. Ф. Крыжановским (Коробка 1909: 221–222; Медведская 1954: 279, 280, 283).

Несмотря на то, что по полученным в ходе двух официальных расследований данным, первые контакты между польской и русской политической конспирацией относятся к 1823 г., вряд ли приходится сомневаться в том, что эти контакты возникали и ранее. Несомненно, формированию личных связей способствовало совместное прохождение службы в полках 2-й армии, где рядом с русскими офицерами можно было встретить и польских, а еще более — значительный элемент польского дворянства среди помещиков тех губерний, где располагались части 2-й армии²¹.

Питательной средой для формирования этих связей служило масонство (например, основанная поляками в Киеве ложа *«Соединенные славяне»*, почетным членом которой был С. Г. Волконский, а действительным — Мошинский (Декабристы 1988: 42, 178). Несомненно, эти ранние масонские контакты не получили полного отражения в следственных материалах. Между тем, исследователь масонства А. И. Серков считает, что именно контакты в рамках ложи *«Соединенные славяне»* способствовали установлению связей между польскими и русскими тайными обществами *«еще до переговоров 1823–1824 гг.»*. Историк

---

²¹ Согласно данным, полученным в ходе следственного процесса в Варшаве, центрами активности польских конспираторов в западных губерниях являлись Киев, Житомир, а также Бердичев и Балт. Лучшее всего деятельность конспиративного общества развивалась именно на Волыни, где проживал граф Мошинский. Собрания членов проходили на ярмарках, на которые съезжались помещики — в Киеве, Бердичеве, Дубно, Балте. Провинциальный совет *«Волынь и Подолия»* в 1821–1822 гг. возглавлял Собанский, а затем граф Прозор. Собирался Совет в Киеве (в том числе на Киевских контрактах) и Любаре (место квартирования Ахтырского гусарского полка, которым с 1824 г. командовал член Южного общества А. З. Муравьев). Одновременно в этих районах развивалась деятельность *«Общества тамплиеров»*, в которое, отчасти, входили те же лица, в том числе Мошинский и Собанский (Коробка 1909: 214–215).

предполагает, что на основе известных масонских контактов можно вести речь о «переговорах» между декабристским Южным обществом, «*Сюзом тамплиеров*» и польским Патриотическим обществом, с участием отдельных влиятельных лиц — таких, как М. Ф. Орлов, В. Л. Лукашевич, С. Г. Волконский, А. И. Ходкевич, Г. Ф. Олизар. По мнению историка, более поздние контакты С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина 1823–1824 г. использовали «уже сложившиеся связи» (Серков 2000: 199–200)²².

Существуют другие, правда, недостаточно ясные, указания на возникновение первых конспиративных контактов между русскими и польскими заговорщиками до 1823–1824 гг. Одиноким осталось существенное показание руководившего в начале 1820-х гг. провинциальным советом Патриотического общества на Волыни Собанского, данное в ходе следствия в Варшаве, о том, что уже в 1822 г. о существовании «**тайного либерального общества**» в России имел информацию С. Ф. Крыжановский. Исследователи вопроса считают, что у посетившего Волынь Крыжановского были «**какие-то контакты**» с русскими офицерами (Ольшанский 1959: 60–61).

Согласно воспоминаниям графа Г. Ф. Олизара, тоже волынского помещика и весьма осведомленного человека, напрямую связанного с Патриотическим обществом (по некоторым данным — его активного члена), сближение тайных обществ началось не в 1823–1824 гг., а «около 1822 г.» (Олизар 1893: 104). Возможно, эта информация восходит к тем самым масонским контактам в Киеве, в которых сам Олизар принимал непосредственное участие.

Как видим, указанный Крыжановским и Олизаром срок совпадает с фиксируемыми публикуемым письмом связями членов польского общества «*Доброчинности*» (или «добрых дел») и офицеров 2-й армии. Не является ли этот документ уникальным свидетельством первых связей между польской и русской конспирацией? Информация о том, что «**между поляками и войсками есть нечто тайное**», разными путями становилась известной руководству и 2-й, и 1-й армии, о чем свидетельствует записка П. Д. Киселева на имя Николая I 1826 г. (Семёнова 1982: 166).

---

²² А. И. Серков включает в число деятелей польских обществ, кто на этом раннем этапе контактировал с русскими заговорщиками в Киеве, П. И. Мошинского (Серков 2000: 200).

По мнению одного из исследователей вопроса, выявленные по следственным показаниям первые контакты русских и польских обществ датируются 1823 г., «но догадывались как поляки, так и русские о существовании у соседей тайного общества значительно раньше», так как они встречались друг с другом в масонских ложах с международным составом на территории западных губерний Российской империи (Коробка 1909: 219).

Таким образом, публикуемое свидетельство имеет большое значение в связи с исследованием вопроса о связях тайного общества декабристов и польской национально-политической конспирации. Документ является памятником раннего этапа сближения польских и русских тайных обществ. Он подтверждает имеющиеся сведения о налаживании конспиративных связей между участниками русских и польских тайных обществ уже в 1822 г. Данный источник представляет ценный материал для наблюдений над складывающимися контактами между участниками русского и польского общественного движения.

Х

Следует еще раз отметить сам факт, обнаруживающий установленное наблюдение за «известным сословием» людей, выделявшихся своим вольнодумством, политическими разговорами, собраниями при Главной квартире армии. Датировка документа (28 февраля 1822 г.) показывает, что уже в это время П. Д. Киселев принимал серьезные меры для наблюдения за «состоянием умов» в армии, вверенной его управлению²³. И появление письма-отчета полковника Добровольского видится далеко не случайным, вписывающимся в контекст известных событий, связанных с усилением наблюдения за «вольнодумцами» среди офицеров 2-й армии, преследованием уже выявленных «опасных людей». Все это в свою очередь было тесно связано с ужесточением внутренней политики по отношению к «вскруженным головам», находившимся на службе.

Буквально за несколько недель до появления письма Добровольского, 6 февраля 1822 г., был арестован В. Ф. Раевский, началось расследование его «поступков», повлекшее за собой «дело» командира 16-й пехотной дивизии М. Ф. Орлова. Так было положено начало преследованию «вольнодумцев», которые успели заявить о себе во 2-й армии.

---

²³ См. об этом нашу публикацию: Басаргин 2000. Ср.: Заблоцкий-Десятовский 1882 (1).

Почти одновременно, летом 1822 г., произошли первые аресты и началось первое преследование участников польской конспирации. Еще осенью 1821 г. был введен запрет на масонские ложи и тайные общества в Царстве Польском. После этого усилился надзор за офицерами и чиновниками, которые подозревались в причастности к запрещенным обществам. В результате, данные полицейского надзора, доносы некоторых участников конспиративных кружков стали основанием для ареста группы руководящих членов Польского патриотического общества (В. Лукасинский, К. Махницкий и др.), после чего состоялась расследование их «дела» особой следственной комиссией и военный суд²⁴.

Росла озабоченность власти и в отношении тайных обществ и масонских лож в самой России. В ее основе, несомненно, лежали данные, сообщаемые секретными службами, в том числе военной полицией. Не случайно, что уже через несколько месяцев, 1 августа 1822 г., последовал рескрипт Александра I о запрете масонских лож и тайных обществ. Вероятно, особую опасность власть видела в распространении политического вольнодумства среди офицеров, наглядным доказательством чему служили поступавшие доносы, информационные письма от чиновников, агентов военной полиции и других тайных служб, подобные письму Добровольского.

XI

Нам не известны какие-либо последствия письма Добровольского. Сведения об этом не обнаружены ни биографами П. Д. Киселева, ни современным биографом П. И. Пестеля (Киянская 2002: 114).

Публикуемое письмо сохранилось в той части архива Киселева, что непосредственно связана с событиями междуцарствия 1825 г., выступления декабристов и следственного процесса. Несомненно, оно было отделено от других писем Добровольского (скорее всего, самим Киселевым) и соотнесено с раскрытым в 1825 г. декабристским тайным

---

²⁴ Аресты не привели к распаду Патриотического общества. После короткого затишья его руководство сменилось, а на Волыни и вообще в украинских губерниях именно в 1822 г., по многим показаниям, оно развивалось лучше всего, быстро распространяясь среди польского дворянства и чиновников; об этом на процессе 1827 г. показали первый руководитель Волынского провинциального совета Собанский и А. С. Яблоновский (Коробка 1909: 204, 207, 210).

обществом. Очевидно, письмо привлекло внимание адресата, как ранний и весьма определенный «сигнал» о конспиративной активности Пестеля и других офицеров-заговорщиков.

Об этом свидетельствуют и карандашные пометы на письме: подчеркивания фамилий упомянутых в письме в качестве участников «сообщества» лиц, а также знак NB на полях против самой важной информации, зафиксированной в документе.

Итак, содержание документа свидетельствует о следующем:

1) Руководство 2-й армии располагало информацией о существовании среди офицеров тайных обществ, знало имена некоторых их участников.

2) Был установлен надзор и с помощью секретной полиции собирались данные об этих тайных обществах, так же как и о конспиративных польских обществах.

Видимо, перед нами один из тех документов, что постепенно скапливались у руководства армии и в Императорском Главном штабе, сведения которых поступали затем к императору. При этом нет сомнения, что у руководства 2-й армии имелись другие каналы получения информации, помимо Добровольского.

Неслучайно, что именно в начале 1820-х гг. получили распространение слухи о существовании тайных обществ во 2-й армии. Они фактически совпали с выходом рескрипта о запрете масонских лож и тайных обществ в 1822 г. В октябре 1822 г. И. Б. Пестель в письме к сыну предупреждал его, что во 2-й армии есть «злоумышленники», вступать с которыми в «сношения» опасно (Нечкина 1955: 370).

Итак, публикуемое письмо недвусмысленно свидетельствует о том, что П. Д. Киселеву (а может быть, и всему руководству 2-й армии) уже в 1822 г. было известно о существовании «вредных» кружков и сообществ «свободномыслящих» офицеров в полках армии, а также — тайных обществ польского национального движения.

В научной традиции укрепилось мнение о том, что Киселев знал о существовании декабристского тайного общества в подчиненной ему армии (Семенова 1982: 158, 165). Действительно, к началу 1822 г. он получил точные сведения о существовании Союза благоденствия (несомненно, во время расследования «дела» В. Ф. Раевского), о круге офицеров Главной квартиры 2-й армии, с которым был тесно связан арестованный Раевский (среди его бумаг нашелся даже список этих офицеров). Весной 1822 г. Киселев специально приезжал к арестованному Раевскому; именем импе-

ратора и обещанием помилования генерал пытался получить от подследственного подробные показания о Союзе благоденствия, но безуспешно (Раевский 1983: 377–378). В 1823 г. Киселев сообщает одному из своих бывших адъютантов — возможно, наиболее близкому к нему И. Г. Бурцову, о том, что император знает о принадлежности его к тайному обществу. Бурцов пишет оправдательную записку, в которой отрицает существование организационного элемента в действиях, приписываемых тайному союзу (Заблоцкий-Десятовский 1882 (4): 28). А в начале 1825 г. Киселев получил информацию от графа И. О. Витта о том, что **«между поляками и войсками есть нечто тайное»** (цит. по: Семенова 1982: 166). Как видим, эта информация подтверждала сведения, поступившие еще в 1822 г. от М. Добровольского. Вскоре после информации Витта о связях Пестеля с известным «вольнодумцем» помещиком В. Л. Давыдовым за первым из них был учрежден тайный полицейский надзор, одновременно Киселев предупредил С. Г. Волконского об опасности пребывания в тайном обществе. Характерно, что тайные агенты действовали и в полку Пестеля, однако собрать уличающую полковника информацию им не удалось (Семенова 1982: 167; Экштут 1994: 107).

ХII

Публикуемый документ сочетает в себе признаки донесения сотрудника полицейской службы и служебного письма подчиненного офицера. В тексте одной и той же записки соединены данные, полученные от агента тайной полиции, информирующего о тайном «сословии» офицеров, и обычные благодарности за перевод в подчиненный полк офицера из другой части, просьба о переводе из своего полка в другой (тема, характерная для рапорта полкового командира вышестоящему начальнику). Эта любопытная черта публикуемого письма достойна особого внимания. Она свидетельствует о том, что командир Уфимского пехотного полка Добровольский считал возможным совместить в одном письме и результаты агентурной деятельности, и текущие служебные вопросы, связанные с командованием полком.

Это еще раз говорит о том, что надзор за настроениями офицеров, сбор данных о наличии неофициальных кружков и обществ в офицерской среде были возложены на их товарищей по службе, наделенных особым доверием начальства (в том числе полковых командиров), которые, как правило, действовали с помощью своих информаторов.

Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что Добровольский обращается с этими вопросами не к дивизионному или корпусному начальнику, а непосредственно к начальнику штаба армии. Трудно не усмотреть в этом признак особых отношений, установившихся между автором письма и Киселевым.

Высокий полковничий чин автора документа заставляет предположить, что Добровольскому было поручено особое задание полицейского характера, — вероятнее всего, лично Киселевым; об этом говорит текст самого письма. Очень возможно, что выбор остановился на нем благодаря большой значимости первой информации, поступившей от «информатора», который вошел в постоянный контакт с полковником Добровольским.

Бумага документа имеет филигрань фабрики Гончаровых: «Гончаров. 1817», сообщающую дату ее изготовления.

Письмо публикуется с сохранением особенностей словоупотребления его автора, — по-видимому, недостаточно образованного офицера (в данном случае, возможно, оказало влияние малороссийское или польское происхождение Добровольского; его сохранившиеся письма несут на себе отпечаток недостаточного знания русского правописания). Явные ошибки и опiski исправлены с приведением сведений об этом в подстрочных примечаниях. Подчеркнутые автором письма слова выделены курсивом, в примечаниях под строкой даются сведения о пометах и надписях, которые содержит рукопись.

*О Пестеле, Трубецком и Потоцком
и о принадл[ежности] их к тайным обществам.
28 февр[аля] [18]22¹*

Ваше Превосходительство,
милостивый государь
Павел Дмитриевич!

Имея надежду лично Вашему Превосходительству довести до сведения в рассуждении* данного вами мне поручения², был я в м[естеч-

* В тексте: рассуждений

ке] Тульчине³; по невозвращению в которое Вашего Превосходительства из Одессы не мог исполнит[ь], потому, хотя чрез сие, доношу, что необыкновенная предо[с]торожность с некоторого времени одного хорошо мне знакомого, от коего надеялся я узнать имена известного сословия⁴ людей, лишила средства осведомиться о штаб- и обер-офицерах разных полков 2-й армии, кроме значущих чиновников, в столицах и других российских городах проживающих, на* коих также знакомый, придавая цены своему наименованию, открыто объявляет, с добавлением двух и из Главного штаба⁵, Вашему Превосходительству, вероятно, известных, — п[олковника] Пестеля⁶ и адъютанта князя Трубецкого⁷, Его же сиятельство граф М.⁸ есть членом^{***} *Товарищества добрых дел*, или по-польски *Доброчинности*, в Кременце и других местах учрежденного^{****}; в каком только предположении оные общества составлены, неизвестно.⁹

При сем приношу чувствительнейшую благодарность Вашему Превосходительству за перевод в Уфимский полк из 44-го Егерского прапорщика Рапелевича и осмеливаюсь всепокорнейше просить о переводе обещанного Вами майора Барщова из командуемого мною в другой полк.

С достодолжным высокопочитанием и глубочайшею приверженностью честь имею именоваться

Вашего Превосходительства
милостивого государя
всепокорнейший слуга
Михайло Добровольский

февраля 28[-г]о дня 1822-го года
г. Винница

РО ИРЛИ. Ф. 143 (П. Д. Киселев). Оп. 1. Е.х. 29.б.113. Л. 1–2.

---

* В тексте: но

** В тексте: Трубецком

*** Три строчки текста, начинающегося со слов «Вашему Превосходительству» и заканчивающегося словом «членом», — отчеркнуты карандашом и на полях поставлен знак «NB». Фамилии Пестеля и Трубецкого, а также слова «граф М.» подчеркнуты карандашом.

**** В тексте: учрежденных

Примечания

¹ Карандашная надпись сделана неустановленным лицом.

² Речь здесь должна идти о поручении полицейского характера. Тайная полиция при Главном штабе 2-й армии получила новое устройство по инициативе начальника Главного штаба П. Д. Киселева летом 1821 г. (Заблоцкий-Десятковский 1882 (1): 232). Подробнее об этом см. вступительную статью.

³ Город Тульчин — место расположения Главного штаба 2-й армии.

⁴ Здесь употреблено в смысле: «общество», «сообщество».

⁵ Главный штаб — здесь имеется в виду, несомненно, Главный штаб 2-й армии.

⁶ Павел Иванович Пестель (1793–1826), с 1818 по 1819 г. являлся адъютантом главнокомандующего 2-й армией П. Х. Витгенштейна, с 1819 по 1821 г. состоял при Главном штабе 2-й армии. 1 ноября 1821 г. произведен в полковники, 15 ноября 1821 г. получил должность командира Вятского пехотного полка, в январе 1822 г., незадолго до того, как было написано публикуемое письмо, покинул штаб армии (Декабристы 1988: 141-142; ср.: Киянская 2002: 153).

⁷ Имеется в виду, несомненно, служивший при Главной квартире 2-й армии адъютант П. Д. Киселева князь Петр Иванович Трубецкой (1798–1871), впоследствии генерал от кавалерии, Смоленский, затем Орловский военный губернатор (Басаргин 1988: 52). Крайне маловероятно, чтобы здесь могли подразумеваться младшие братья декабриста С. П. Трубецкого: Александр Петрович (1792–1853), переведенный в 1820 г. в связи с «семеновской историей» в Киевский драгунский полк (находился в составе 1-й армии), масон, член ложи «Соединенные славяне» (Трубецкой 1987: 532; Трубецкая 1891: 293), или Петр Петрович Трубецкой (1793–1840), проживавший в 1822 г. в окрестностях Киева, масон, член Союза благоденствия (Декабристы 1988: 178). Оба они, по имеющимся сведениям, не занимали адъютантской должности.

⁸ Карандашная помета на письме свидетельствует о том, что речь как будто должна идти о графе Мечиславе Станиславовиче Потоцком, брате жены П. Д. Киселева С. С. Киселевой и владельце имения в г. Тульчине (Басаргин 1988: 51). Его связи с польской национально-политической конспирацией не выявлены. Более вероятно, что здесь имеется в виду граф Петр-Станислав-Алоизий Игнатьевич Мошинский (1800–1879), губернский маршал дворянства Волыни с 1823 г. Масон, член польской масонской национально-политической организации «Общество тамплиеров», ложи «Соединенные славяне» в Киеве, с 1821 г. активный член польского Патриотического общества, член Провинциального совета по Киевской, Волынской и Подольской губерниям, участник переговоров с Южным обществом в 1825 г. В 1826 г. арестован и привлечен сначала к следственному процессу по делу декабристов, а затем к следствию в

Варшаве. Предан суду, в 1829 г. приговорен к лишению дворянства и ссылке в Сибирь на поселение сроком на 10 лет. С 1830 г. в Тобольске, с 1834 г. в Симбирске; вскоре разрешено вернуться на Украину, в 1840 г. переехал за границу в польские земли, находившиеся вне состава Российской империи, жил в Кракове (Декабристы 1988: 115–116; Серков 2000: 199).

⁹ Несомненно, речь идет о польской национально-политической конспирации (возможно, это одно из названий, под которым было известно Патриотическое общество). Сведения о недавнем учреждении «Товарищества добротности» из письма Добровольского коррелируют с известными в научной традиции данными о распространении на Вольни и в западных губерниях Российской империи отделений Патриотического общества, основанного в мае 1821 г.; этот процесс охватил 1821–1822 гг. (Ольшанский 1959: 50, 52). Об участии П. И. Мошинского в польских конспиративных организациях см. вступительную статью.

Литература

- Басаргин** 1988 — *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988.
- Басаргин** 2000 — «Прошу извинить меня от сего поручения...». Письмо Н. В. Басаргина П. Д. Киселеву / Публ. П. В. Ильина // Исторический архив. 2000. № 6. С. 21–29.
- Бокова** 2003 — *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003.
- Васенко, Измайлов** 1926 — *Васенко П. Г., Измайлов Н. В.* Обзор хранящихся в Академии наук СССР материалов о декабристах // Памяти декабристов. Вып. 3. Л., 1926. С. 228–241.
- Давыдов** 1994 — *Давыдов М. А.* Оппозиция Его Величества: Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994.
- Декабристы** 1988 — *Декабристы.* Биографический справочник. М., 1988.
- Ден** 1956 — *Ден Т. П.* Пушкин в Тульчине // Пушкин. Исследования и материалы. Вып. 1. М.; Л., 1956.
- Заблоцкий-Десятковский** 1882 — *Заблоцкий-Десятковский А. П.* Граф Киселев и его время. Материалы для истории царствований императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 1–4.
- Закревский** 1890 — Бумаги графа А. А. Закревского // Сборник Русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890.
- Закревский** 1891 — Бумаги графа А. А. Закревского // Сборник Русского исторического общества. Т. 78. СПб., 1891.
- Киселев** 1998 — Тульчинский штаб при двух генералах. Письма П. Д. Киселева А. Я. Рудзевичу 1817–1823 гг. Воронеж, 1998.
- Киянская** 2002 — *Киянская О. И.* Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002.

- Коробка** 1909 — *Коробка Н.* Польские общества 20-х годов и декабристы // О минувшем. Исторический сборник. СПб., 1909. С. 189–233.
- Макаров** 1981 — *Макаров В. Б.* Декабрист И. Г. Бурцов. Саратов, 1981.
- Медведская** 1954 — *Медведская Л. А.* Декабристы и Польское Патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов. Сб. ст. М., 1954. С. 276–319.
- Нечкина** 1955 — *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1.
- Олизар** 1893 — *Олизар Г. Ф.* Из записок // Русский вестник. 1893. Т. 227.
- Ольшанский** 1959 — *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.
- Орлов** 1963 — *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.
- Пестель** 1926 — Письма П. И. Пестеля П. Д. Киселеву / Публ. П. Г. Васенко и Ф. И. Покровского // Памяти декабристов. Вып. 3. Л., 1926.
- Пушкина, Ильин** 2000 — *Пушкина В. А., Ильин П. В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. 1816–1826 гг. // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. II. СПб.; Кичинев, 2000.
- Раевский** 1980 — *Раевский В. Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1980.
- Раевский** 1983 — *Раевский В. Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983.
- Семенова** 1982 — *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.
- Серков** 2000 — *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000.
- Трубецкая** 1891 — *Трубецкая Е. Э.* Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891.
- Трубецкой** 1987 — *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1987.
- Экштут** 1994 — *Экштут С. А.* В поисках исторической альтернативы. М., 1994.

Из архивной записной книжки

Вступительные заметки, публикация и комментарии

А. А. Кононова

Fragments of an archival notebook. Introduction, publication and comments by *A. A. Kononov*. This publication presents several archival documents from the depositories of the Russian State Historical Archive, namely a letter of the Secretary of State N. N. Muravyov to Emperor Constantine (dated November 27, 1825) and a letter in reply by Constantine Pavlovich, the official list of the chairman of the Committee of Inquiry count A. I. Tatischev, a fragment of recollections by the chairman of the State Council prince I. V. Vasil'chikov as written by his son, provided with a characteristic of the Great Prince Constantine Pavlovich. This publication makes a contribution to our knowledge on the period of 1820s and on its actors, it sheds some new light upon some understudied episodes of the Russian history of the first quarter of the nineteenth century.

I.

Письмо статс-секретаря Н. Н. Муравьева императору Константину и ответное письмо Константина Павловича

Публикуемые ниже два письма являются еще одним штрихом к событиям междоусарствия 19 ноября — 14 декабря 1825 г. Письмо к императору Константину Павловичу (публикуемое по отпуску) было написано в Петербурге 27 ноября 1825 г. (в этот день в столице было получено известие о смерти императора Александра I и принесена присяга императору Константину). Его автор, Николай Назарьевич Муравьев (1775–1845), — довольно заметная фигура на бюрократическом небо-

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

**Источники, исследования, историография,
библиография**

**ВЫПУСК
VII**

Корректор *В. П. Мартыненко*
Техн. редактор *М. М. Антонец*
Компьютерная верстка *А. В. Андреев*
Дизайн обложки *А. С. Ратманов*

Подписано в печать 24.11.2005. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Основная гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 36,75. Тираж 1000 экз. Заказ № 218.

Издательство СПБНИИ РАН «Нестор-История»

Отпечатано в типографии СПБНИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru

Заказы присылать по адресу:
Издательство СПБНИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru